

Tóth László

Заметки об аспектуальном содержании обобщённого факта в контрастивном аспекте

Профессор Дёрдь Сэпе уже несколько десятилетий тому назад обратил внимание специалистов на то, что преподаватель венгерского языка и венгерской литературы помимо так называемого венгерского языкознания (включающего в себе настоящее и прошлое венгерского языка), должен быть знатоком теории и типологии языка, а также должен иметь чёткое представление о фактах других так называемых дисциплин общей и прикладной лингвистики. Вместе с тем профессор подчёркивает, что знание по крайней мере одного иностранного языка (как на уровне теории, так и на уровне практики) со стороны преподавателя, представляет собой немалую важность, не говоря уже о знании принципов преподавания иностранных языков (Сэпе 1972, 215, на венгерском языке).

В этой же работе автор пишет о том, что преподаватель иностранного языка должен обладать обширными познаниями относительно проблем родного языка, а также относительно вопросов общей и прикладной лингвистики (там же).

Из сказанного выше в некотором отношении уже вытекает, что в процессе преподавания и изучения языков явление взаимного отношения, так называемой интерференции (будь она позитивной или негативной) не может быть оставлено вне внимания. Это означает в общих чертах, что когда два или более языков (включая также родной язык) вступают в контакт на уровне преподавания или изучения, один язык может содействовать овладению другим языком, или же наоборот, может затруднить его усвоение. Поскольку роль грамматики в овладении любым языком – по нашему усмотрению – имеет основную важность, полностью соглашаясь с профессором Сэпе, цитируем его строки: «.. между грамматиками двух языков может существовать явление определённого вида инклюзии. Это означает, что грамматика одного языка /а/ включает в себя грамматику другого языка /б/; но /б/ не включает в себя /а/. Иными словами, грамматические правила языка /а/ состоят из грамматических правил языка /б/ и ещё из других дополнительных правил, которыми нельзя пренебрегать. В таком случае /а/ доминирует над /б/ или включает его в себя. Значит, владеющий языком /а/ понимает владеющего языком /б/, но обратный этот процесс не действует» (Сэпе 1965, 132, перевод с венгерского наш: Л. Т.). Далее автор отмечает, что,

имея в виду языки преподаваемые в Венгрии, можно с уверенностью утверждать, что знание латинского языка способствует преподаванию французского и итальянского языков, немецкий и французский языки положительно влияют на преподавание английского языка, но направление такого рода отношений необратимо. «Не выяснено в этом отношении – пишет профессор Сэпе – место русского языка. Ввиду того что – грубо говоря – русский язык в своей структурно-типологической комплексности находится, в основном, на таком же уровне как и латынь и немецкий язык, – в приведённых выше примерах он может занимать место, может быть, латинского или немецкого языков /с точки зрения грамматической абстракции/» (там же: 132–133, перевод наш: Л.Т.).

В настоящей статье мы предпримем попытку (ввиду ограниченности пространства – лишь в рамках одного феномена, связанного с глагольным видом) указать, какое влияние (позитивное или негативное) могут оказать разные языки друг на друга в процессе преподавания и овладения ими со стороны студентов, какова может быть роль родного языка (венгерского, в данном случае) при анализе сложных фактов иностранного языка. Поскольку наши замечания затронут проблемы связанные с преподаванием упомянутых языков на высшем (университетском) уровне, контекст, служащий для нас базой аргументации, будет иметь, в первую очередь, не практический, а теоретический характер.

Так как рассматриваемое нами явление типично в первую очередь для русского глагольного вида, исходным пунктом в этот раз будет служить для нас русский язык, если даже наши замечания в основном будут касаться венгерской «констатации факта».

В современной аспектологии языки могут быть классифицированы на основе того, к какому «видовому классу» они принадлежат. Таким образом категория вида может проявляться в разных языках в трёх типах. Это означает, что различаются типы вид₁, вид₂ и вид₃ (ср.: Ясаи 1993, 65–66).

Принадлежность видовой системы к определённому типу зависит от степени маркированности и регулярности морфологической характеристики этой категории. Славянские языки принадлежат к типу вид₁, так как в них вид как глагольная категория проходит через всю систему глагола и обладает чётко выраженными морфологическими атрибутами при образовании видовых пар, будь оно (образование) по характеру морфологическим, фонетическим, или лексическим феноменом, напр.: *дать / давать; убежать / убежать; говорить / сказать* (ср.: там же, и Пете 1991, 113–118).

Какие языки являются носителями типа вид₂? Что следует понимать под таким термином? «Во первых то – пишет профессор славянской аспектологии, Ласло Ясаи –, что для выражения видового значения в рамках уровня «вида₂» морфологическая характеристика менее маркирована и не так регулярна, как

в славянских языках (нет видовых пар), во вторых, однако и то, что некоторые видовые значения могут передаваться регулярно и последовательно, правда, прежде всего аналитически, синтаксически (что иногда соответствует синтагматическим средствам), или в смешанной форме: морфологически и синтаксически [...]. В-третьих, возможно обозначение вида и посредством «видовой основы», как бы лексически» (там же).

Если русский глагольный вид со своей морфологизированной системой представляет собой вид₁, тогда вид в венгерском языке – на наш взгляд – может «претендовать», пожалуй, на вторую степень абстракции (вид₂), или на «промежуточную степень» между вариантами вид₁ и вид₂. Что касается вида в итальянском языке, он, по нашим наблюдениям, находится ближе к типу вид₂, в котором видовые значения выражаются грамматическими (морфологическими) средствами. Наша позиция по поводу данного вопроса основывается на следующем.

В системе итальянского глагольного вида – по крайней мере, на уровне словаря – отсутствуют видовые корреляции (нет видовых пар). Это означает, что словари (будь они какого угодно типа) не дают (не могут дать) информации о принадлежности глагола к тому или другому виду (в итальянских словарях, как и в русских, глагол фигурирует в форме инфинитива). Выражение разных видовых содержаний в итальянском языке тесно закреплено за временными (финитивными) формами глагола; другими словами, временные формы глагола являются обязательными носителями различных аспектуальных, так называемых, «частных» значений» видов.

Поскольку категория времени в итальянском языке обладает чётко выраженными морфологическими характеристиками (за исключением, видимо, настоящего времени), категория вида тоже сохраняет эти признаки, как средства „*sine qua non*» для передачи разных содержаний, закреплённых за формами совершенного или несовершенного вида. Главная формальная разница между итальянским и русским видовыми аппаратами проявляется в том, что русский вид, как правило, выражается в двух (иногда в трёх) словоформах, тогда как в итальянском языке вид воплощается в разных регулярных реализациях временных форм глагола, как носителей частных видовых значений. В системе аспектуальной оппозиции итальянского глагола обнаруживается определённая асимметрия которая заключается в том, что если для выражения целостного действия существует ряд временных форм, то для передачи неопределённого процесса итальянский глагол располагает одной только формой имперфекта (*Imperfetto*).

Изучение и преподавание языков, как иностранных – и, в первую очередь, тех, в грамматической системе которых в той или иной степени присутствует глагольный вид со своими частными значениями или аспектуальными содержа-

ниями – может поставить как учащегося, так и преподавателя перед серьёзным вызовом. Пешковский А.М. не случайно называл виды «труднейшими» из всех «грамматических различий» русского языка (Пешковский 1923, 85; [in: Крекич 1989, 1]). Поскольку категория вида, как часть венгерской грамматики, появляется лишь на уровне университетского обучения, студенты знакомятся с её теоретическими основами сравнительно поздно, и одновременно сталкиваются с многочисленными спорными вопросами в связи с данной категорией.

Вопрос о статусе и содержании **аспектуального факта (обобщённо-фактического значения)**, может быть, не считается одним из самых спорных проблем в рамках категории вида, но, принимая во внимание тот факт, что мнения иногда могут расходиться в отношении интерпретации даже такого, на первый взгляд второстепенного вопроса, и учитывая то, что данный феномен в разных языках выражается по-разному, значение его анализа, как и усвоение и использование его на практике, с научно-методологической точки зрения не может подвергаться сомнению.

Относительно содержания частного значения, на котором мы коротко остановимся ниже, Бондарко А.В. пишет: «Это значение заключается в общем указании на самый факт наличия или отсутствия действия. В данном случае оказывается несущественным, является ли действие единичным или повторяющимся, длительным или кратким, как оно протекает, а важно лишь то, было оно вообще или не было, будет или нет, нужно его осуществлять или нет и т. п. Например: *Ко мне сам Никодим Палыч Кондаков о б р а щ а л с я, и я его вылечил* (Бунин. О Чехове)[..]» (Бондарко 1971, 28).

В итальянской лингвистике это же содержание (выраженное в итальянском языке формами совершенного вида глагола) обозначается термином **uso esperienziale** («экспериментальное значение») которое означает, что определённое действие (событие) имело место в прошлом, по крайней мере, один раз. В таком случае результат действия в момент речи иррелевантен, ср.: *Sei mai stato a Praga? Ты уже был(а) в Праге? / Ты уже ездил(а) в Прагу?; Piero è già salito sulla Torre Eiffel. Пьеро уже поднимался на Эйфелеву башню* (ср.: Сальви-Ванэлли 2004, 115; перевод примеров на русский язык наш: Л.Т.).

В венгерской аспектологии академик Ференц Кифер (Kiefer Ferenc) в работе *Strukturális magyar nyelvtan 1. Mondattan* (Структурная грамматика венгерского языка 1. Синтаксис) посвящает отдельный подраздел данному явлению под названием **egzisztenciális olvasat** (**экзистенциальная интерпретация** – перевод термина на русский язык, наш: Л.Т.); (ср.: Кифер 1992, 867–869).

По мнению профессора Кифера **экзистенциальное значение** в венгерском языке основывается на совершенном виде. Можно сказать, что предложение с экзистенциальным значением образовано от предложения совершенного

вида (напомним, что Ф. Кифер рассматривает вид в венгерском языке как категорию семантико-синтаксическую, что означает, что вид фигурирует на уровне синтаксическом); (ср.: Кифер ук. соч., 867). Как ситает исследователь, «экзистенциальное значение [...] не отменяет совершенный аспектуальный облик предложения, но его аспектуальное значение отодвигается на задний план» (там же, перевод наш: Л.Т.). В венгерском языке проявление данного аспектуального содержания – указывает Ф. Кифер – как правило, теснейшим образом связано с просодическим зарядом предложения, в котором глагол всегда выделен эмфатически, элементы же располагающиеся направо от глагола, лишены такого интонационного выделения, вследствие чего предложение с экзистенциальным значением имеет всегда нисходящую интонацию. В реализации данного значения важную роль могут играть и глагольные префиксы. В предложениях не содержащих контрастного фокуса, неударяемый постпозитивный префикс всегда обозначает экзистенциальное содержание. Бывают случаи, когда сам префикс не достаточен для однозначного разграничения значения; в таком случае выдвигаются на передний план и лексические средства, которые помогают решить, с каким из значений имеем дело в данной ситуации (ср.: там же). Приведём некоторые примеры Ф. Кифера: *"Jött le a lépcsőn egyedül; "Jött át hozzánk éjfélkor.* (Он уже **спускался** по лестнице один; Он уже **заходил** к нам в полночь.) ; *"Lejött a lépcsőn egyedül máskor is; "Átjött hozzánk éjfélkor máskor is.* (Он уже **спускался** по лестнице один и в другой раз; Он уже **заходил** к нам в полночь и в другой раз); (Кифер ук. соч., 867).

В приведённой выше работе Ф. Кифер отмечает, что предложение с экзистенциальным значением можно образовать также от предложения несовершенного вида, напр.: *Pisti "biciklizett (már) az udvaron ≈ „Előfordult, hogy Pisti biciklizett az udvaron"* (Пишти [уже] ездил на велосипеде по двору ≈ Случалось, что Пишти ездил на велосипеде по двору); (там же, 867–868). Далее автор замечает, что предложение с экзистенциальным значением образованное от предложения несовершенного вида теряет маркировку несовершенного вида, поскольку нельзя утверждать, что в предложениях *Pisti korábban is biciklizett sokáig az udvaron / „Korábban is előfordult, hogy Pisti sokáig biciklizett az udvaron"* (Пишти и прежде долгое время ездил на велосипеде по двору / Случалось и прежде, что Пишти долгое время ездил на велосипеде по двору) действие могло бы быть разделено на дискретные единицы в рамках указанного временного интервала (нельзя сказать, что действие «имеет силу» для подавляющего большинства отрезков времени данного интервала). «Здесь – добавляет Ф. Кифер – подчёркивается не процесс, а то обстоятельство, что процесс, о котором идёт речь, имело место уже и раньше» (Кифер ук. соч., 868, перевод наш: Л.Т.).

Замечания профессора Кифера очень интересны и поучительны во многих отношениях, они заставляют читателя задуматься над сущностью содержания обобщённого факта в целом, а также над его универсальностью в аспектуальной системе разных языков. В этом месте мы желаем указать лишь на один аспект упомянутого значения, который нам кажется в некотором отношении сомнительным в интерпретации Ф. Кифера.

По нашему мнению, тезис, по которому предложение с экзистенциальным значением, образованное от предложения несовершенного вида, уже не является конструкцией несовершенного вида, может нуждаться в дальнейшем рассмотрении (ср.: там же). Мы не полностью убеждены в том, что несовершенный вид переходит в совершенный только потому, что нельзя сказать, что действие «имеет силу» относительно подавляющего большинства отрезков времени данного интервала.

На наш взгляд тезис, выдвинутый Ф. Кифером относительно признаков **несовершенности / совершенности конструкции** (имеет ли действие силу или нет применительно к любому сегменту данного временного интервала), может считаться универсальным в том смысле, что он применим по отношению видовой оппозиции не только одного венгерского языка, но он действует как в случае русского, так и итальянского видового аппарата. Исходя из такого положения дел, и принимая за основу **русский обобщённый факт**, мы должны были бы прийти к выводу, что русский глагол движения в предложении типа *Я уже л е т а л на самолёте* (*Ho già v o l a t o in aereo*) является глаголом совершенного вида по причине того, что **временная структура глагола** – подобно венгерской видовой констелляции – и в этом случае неделима, так как ничем не подтверждается, что действие или событие имеет силу для подавляющего большинства отрезков временного интервала, обозначённого глаголом прошедшего времени «*летал*». Тем не менее, никто из владеющих русским языком не может подвергать сомнению то, что соловоформа *летал* является глаголом несовершенного вида, не имеющим даже оппозиционной пары совершенного вида.

Цель такой аргументация заключается не в отрицании правильности позиции Ф. Кифера касательно семантико-синтаксического содержания членов видовой оппозиции, а в том, чтобы показать, что логика применяемая при дефиниции атрибутов двух видов (несовершенного и совершенного) не функционирует – по нашему мнению – в случае описания обобщённого факта (экзистенциального значения). Причина этого, по всей вероятности, заключается в «немаркированности» предложения с экзистенциальным значением, с аспектуальной точки зрения. Под выражением «**аспектуальная немаркированность**» в пределах данной статьи мы понимаем, что вид как глагольная ка-

тегория как бы «удаляется» от контекста, образно говоря, покидает глагольную конструкцию. Можно было бы сказать, что семантический комплекс глагола (содержащий лексический и грамматический, аспектуальный компоненты) как бы разделяется, глагол лишается аспектуальной характеристики. Иными словами, это значит, что вид представлен в конструкции на уровне «нуля» (нулевое значение). Если мы придерживаемся такой позиции, это означает также и то, что конструкция – пользуясь удачным термином Ф. Кифера – обладает лишь «внешней временной структурой» (благодаря временным дейктическим отношениям), её «внутренняя временная структура» irrelevantна, то есть фигурирует на «нулевом» уровне, обеспечивая, таким образом, реализацию значения факта (ср.: Крекич – Ясаи 2008, 279).

«Обобщённый факт», как правило, противопоставляется «конкретному факту» (конкретно-фактическому значению) совершенного вида, обозначающему «конкретный единичный факт» (Бондарко укр. соч., 22), напр.: *Я уже сдавал экзамен по литературе* (обобщённый факт) ↔ *Я сдал экзамен по литературе* (конкретный факт) / *Vizsgáztam már irodalomból* ↔ *Levizsgáztam irodalomból* / *Ho già dato l'esame di letteratura*; (ср. ещё: Ясаи-Тоот 1987, 66–76). По сути дела, разница между двумя упомянутыми содержаниями – помимо различий, вытекающих из семантики видов – может быть обнаружена и в различии «прагматических постцедентов» двух предложений, ср.: *Vizsgáztam már irodalomból* / *Я уже сдавал экзамен по литературе* [один из потенциальных постцедентов: 'знаю, как проходит экзамен, каковы обстоятельства' (*tudom, hogy zajlik a vizsga, milyenek a körülmények*)]; *Levizsgáztam irodalomból* / *Я сдал экзамен по литературе* [один из возможных постцедентов: 'теперь могу начать готовиться к экзамену по лингвистике' (*most kezdhetek készülni a nyelvészeti vizsgára*)].

Не вдаваясь в подробности относительно характера аспектуальной оппозиции вообще, мы вынуждены ограничиться замечанием, что обобщённый факт (как «частное значение вида») и конкретный факт (как «частное значение вида») представляют собой два члена **привативной видовой оппозиции** (подробнее об этом см.: Крекич-Ясаи 2008, 278–280).

Экзистенциальное значение (или содержание) в нашем понимании не может быть описана с использованием категорий «совершенности» и «несовершенности», так как с семантической точки зрения глагол (независимо от его формального аспектуального облика), участвующий в выражении данного значения, по сути дела, аспектуально не является носителем сем ни совершенного, ни несовершенного вида. В скобках заметим, что именно поэтому было бы ошибочным утверждать, что глагол в данном значении может выражать и законченное («целостное») действие. По нашему мнению глагол несовершенного вида не способен выражать законченность действия, по крайней мере, в

аспектуальном отношении, при никаких контекстуальных условиях (описание причин может служить объектом, может быть, другой статьи).

Что касается констатации факта в итальянском языке, как показывают приведённые выше примеры, экспериментальное содержание – за невозможностью употребить в указанном значении имперфект (несовершенный вид) – закреплено за одной из форм совершенного вида, как правило, за так называемым «составным совершенным» (*perfetto composto*); (другой термин: «близкое прошедшее», *passato prossimo*), но, как указано выше, в этом случае также подчёркивается «нейтральное отношение» действия к результату, выраженному данной формой глагола в других контекстах. В разграничении значений обобщённого факта и, скажем, конкретного факта (*с результатом*) в итальянском языке придаётся немалое значение контексту, ср.: *Ho aggiustato la radio, ora funziona bene* (Я починил радио, теперь хорошо работаем; *Megjavítottam a rádiót, most jól működik*); *Ho già aggiustato questa radio, conosco bene, come è costruita* (Я уже чинил это радио, хорошо знаю его структуру;).

В отличие от конкретно-фактического значения совершенного вида, действие имеющее обобщённо-фактическую интерпретацию, характеризуется либо «слабой» **временной локализованностью** (оно локализовано по отношению к моменту речи, чаще всего в прошлом «вообще», реже в будущем), либо локализованность его во времени не имеет значения, ср.: *Na прошлой неделе Мария ездила в Москву / была в Москве; Мария уже ездила в Москву / была в Москве; La settimana scorsa Maria era (è stata) a Mosca* (что касается различия между двумя формами, см.: Бэринетто 1986, 79); *A múlt héten Mária 'volt Moszkvában*, и, *Мария уже ездила в Москву / была в Москве; Maria è già stata a Mosca; Mária volt már / járt már Moszkvában*.

В заключение посвятим несколько строк действительно меткому парафразу экзистенциального значения, предложенному Ф. Кифером. По мнению исследователя венгеский парафраз „*előfordult már, hogy...*” («случалось уже, что...»; «*era già successo che...*») сам по себе достаточен для того, чтобы доказать «совершенство» в венгерском экзистенциальном значении. «Предложение с парафразом „*előfordult már, hogy...*” («случалось уже, что...»; «*era già successo che...*» – перевод наш: Л.Т.) – пишет Ф. Кифер – совместимо лишь с предельным временным обстоятельством: а. *Az eltelt öt év alatt előfordult, hogy dolgozott nálunk*, б. **Öt éven át előfordult, hogy dolgozott nálunk*» (а. *За прошедшие пять лет случилось, что он, работал у нас; Nei cinque anni passati, era successo che lui avesse lavorato da noi*; б. *В течение пяти лет случилось, что он работал у нас; Per cinque anni, era successo che lui avesse lavorato da noi*); (Кифер ук. соч.: 868, перевод наш: Л.Т.).

Мы полностью согласны с профессором Кифером, что касается сказанного выше о совместимости (несовместимости) языковых элементов. В то же время

мы считаем бесполезным заметить, что – по нашему мнению – несовместимость непосредственно связана не с придаточной частью предложения, а с семантическим отношением между обстоятельством времени „*öt éven át*” (в течение пяти лет) и глаголом «*előfordult*» (случалось,...), который в нашем понимании является глаголом совершенного вида в венгерском языке, поэтому не сочетается с обстоятельством указанного типа. С тем же глаголом несовершенного вида предложение кажется грамматичным: '*Öt éven át fordult elő, hogy hetente félrelépett* (с эмфатическим выделением временного локализатора); (В течение пяти лет, случалось, что он каждую неделю изменял ей; *Era già successo che avesse tradito la moglie ogni settimana, per cinque anni*).

С другой стороны, данный парафраз не всегда оказывается вполне удачным, в некоторых контекстах может казаться несколько натянутым, ср.: *?Előfordult már, hogy olvastam a mai újságot* (?Случалось уже, что я читал сегодняшнюю газету; *?Era già successo che ho letto il giornale di oggi*).

Мы не уверены в том, что в придаточной части предложения, приведённого выше, глагол «*dolgozott*» является глаголом совершенного вида именно потому, что временной локализатор „*az eltelt öt év alatt*” (за прошедшие пять лет; *nei cinque anni passati*) относится к глаголу главного предложения. На основе сказанного выше по поводу характера обобщённого факта, мы полагаем, что семантика констатации факта (экзистенциальное, экспериментальное значение) заключается во всех случаях в «**аспектуальной аннулированности**» действия или события, описанного глаголом, сопровождаемой **нерелевантностью временной локализованности** акта, что означает, что в случае данного явления нет смысла подчёркивать аспектуальную насыщенность глагольной конструкции, если только не акцентируем, что имеем дело с **нулевым значением вида** (ср.: Крекич – Ясаи ук. соч., 279).

В остальном мы совершенно согласны с мнением профессора Кифера согласно которому «[...] экзистенциальное значение нейтрализует оппозицию „несовершенный – совершенный». Предложение с экзистенциальным значением не обладает специализированной внутренней темпоральной структурой, оно ведёт себя так, будто не имеет аспектуальной характеристики. [...] с таким предложением констатируем факт прошлого события, без того, чтобы локализовать его на временной оси, или сопоставить его временной план с временным планом других событий» (Кифер ук. соч., 868, перевод наш.: Л.Т.).

В скобках заметим, что предложение с парафразом предлагаемым Кифером осложняет явление тем, что факт передаётся таким образом в рамках сложного предложения, причём временные планы главной и придаточной части предложения *volens-nolens* «соприкасаются», то есть сопоставляются друг с другом по принципам «таксиса». Правда, такая «конъюнкция» временных планов

имеет особую важность прежде всего в языках, обладающих богатой системой временных форм глагола (как, например, в итальянском), в которых действуют правила согласования времён, предписывающие выбор временных форм (в случаях, когда точка отсчёта [referenciaidő, momento di riferimento] предшествует моменту действия, или следует за ним); (ср.: Кифер ук. соч., 805).

Как видно из всего вышесказанного, вопрос затронутый нами в данной статье, имеет в первую очередь теоретический аспект и может представлять интерес с сопоставительной точки зрения при преподавании и изучении иностранных языков на высшем уровне. Вместе с тем необходимо подчеркнуть роль родного языка, первичную важность знания его теоретических основ со стороны студентов, по крайней мере, на уровне средней школы. Без знания таких основ – как показывает наш педагогический опыт – представляется крайне трудным наблюдать и анализировать сложные факты иностранного языка, что в конечном итоге, может привести к тому, что студент, изучающий иностранный язык, теряет интерес к языку именно из-за отсутствия необходимой теоретической подготовки.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БЭРТИНЕТТО, Pier Marco 1986. *Tempo, Aspetto e Azione nel verbo italiano*. Firenze: L'Accademia della Crusca.
- БОНДАРКО, А.В. 1971. *Вид и время русского глагола*. «Просвещение», Москва.
- JÁSZAY László – TÓTH László (ЯСАИ – ТООТ) 1987. *Az orosz igeaspektusról magyar szemmel*. Tankönyvkiadó, Budapest.
- KIEFER Ferenc (КИФЕР, szerk.) 1992. Az aspektus és a mondat szerkezete. In: *Strukturális magyar nyelvtan I. Mondattan*. Akadémiai Kiadó, Budapest. 797–886.
- КРЕКИЧ Йожеф 1989. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Танкёньвкиадо, Будапешт.
- KRÉKITS József – JÁSZAY László (КРЕКИЧ – ЯСАИ) 2008. *Szláv igeaspektus*. Akadémiai Kiadó, Budapest.
- ПЕТЕ Иштван 1991. Морфология русского языка (в сопоставлении с венгерским). Танкёньвкиадо, Будапешт.
- SALVI, G. – VANELLI, L. (САЛЬВИ – ВАНЭЛЛИ) 2004. *Nuova grammatica italiana*. Il Mulino, Bologna.
- SZÉPE György (СЭПЕ) 1965. Újabb nyelvészeti jegyzetek az idegen nyelvek tanításáról. *Modern Nyelvoktatás*, III. évf. 3. Tudományos Ismeretterjesztő Társulat Idegennyelv-oktatási Választmánya, Budapest. 130–135.
- SZÉPE György (СЭПЕ) 1972. Jegyzetek idegennyelv-oktatási problémákról. *Modern Nyelvoktatás*, IX. évf. 3. szám, X. évf. 1. Tudományos Ismeretterjesztő Társulat, Budapest. 214–225.
- ЯСАИ, Ласло 1993. *Лекции по глагольному виду*. Nemzeti Tankönyvkiadó, Budapest.

Tóth László

**Megjegyzések az általános tényközlő jelentés aspektuális
tartalmához kontrasztív aspektusban**

Szépe György professzor írásaiban hangsúlyozottan szerepel az a megállapítás, hogy az idegen-nyelv-szakos tanárnak alaposan ismernie kell anyanyelve nyelvészeti kérdéseit, tisztában kell lennie az általános és alkalmazott nyelvészet számos ágával, és hasznos számára, ha legalább egy másik idegen nyelv elméletében és gyakorlatában is jártas.

Jelen tanulmány a felsőoktatás szintjén történő nyelvoktatás vetületében kísérli meg érintőlegesen – egy grammatikai jelenség (általános tényközlő jelentés) példáján keresztül – megmutatni, hogy az esetleges (morfológiai és szemantikai) kongruenciák vagy inkongruenciák elméleti síkon milyen megválaszolható kérdések elé állíthatják a tanárt az oktatás folyamatában, mennyire célszerű egy idegen-nyelv-szakos tanárnak egy másik idegen nyelv elméleti összefüggéseiben is eligazodnia. Konkrétabban fogalmazva: a tanulmány szerzője rövid elemzését adja a szóban forgó jelentés lényegi tartalmának magyar, olasz és orosz nyelvészeti vonatkozásban a fentebb említett szempontokat is szem előtt tartva.